

приведены уже въ «Катихизисѣ»)... Толстому не нравится ученіе Церкви о таинствахъ, и онъ высокоомѣрно заявляетъ: «вы говорите» (т. е., представители іерархіи), «что совершенствованіе своими силами безъ помощи... таинствъ... есть грѣхъ гордости, что для спасенія своего человѣкъ долженъ вѣрить не своему разуму, а велѣніямъ церкви»... («Обращ. къ духов.», стр. 34)... Не о гордости здѣсь рѣчь въ дѣйствительности, а о невозможности для человѣка, безъ высшей помощи, достигнуть совершенства: всякій, кто хоть немного слѣдилъ за собою и себя анализировалъ, это отлично понимаетъ, что понимали даже и язычники (Овидій...). Ученіе Церкви и въ данномъ случаѣ, и въ другихъ никогда не стоитъ въ противорѣчій съ требованіями «разума», а наоборотъ—согласно съ ними всегда. Всѣ попытки въ толстовскомъ духѣ неизмѣнно разбивались о совершенно ясное ученіе Церкви, о неподобныя толкованія авторитетнѣйшихъ свв. отцовъ древне-христіанскихъ....

Переходя къ ученію Церкви объ отдѣльныхъ таинствахъ, Толстой вопрошаетъ: «что можетъ быть безнравственнѣе того ужаснаго ученія..., что спасеніе людей отъ грѣха состоитъ въ томъ, чтобы быть *окрещеннымъ*»... («Что такое религія?..» Толст., стр. 19)? Что въ христіанскомъ ученіи о таинствѣ «крещенія» графъ видитъ не только безнравственное, а еще свѣрхъ-безнравственное,—это неизвѣстно никому, а также и ему самому, конечно,—такъ какъ никакихъ обоснованій своего безумія онъ не приводитъ: выругался—и кончено... Что еще вамъ нужно? Достаточно-де графскаго слова, которому, моль, вѣрятъ всѣ жида или, по крайней мѣрѣ, притворяются вѣрующими... Не вѣря во Св. Духа и въ Его божественную благодать, Толстой, разумѣется, не могъ вѣрить и въ спасительную силу таинствъ... Но говорить о безнравственности, да еще исключительной, онъ не могъ даже и при его безбожной и нелѣпнѣйшей точкѣ зрѣнія,—не могъ, т. е., не имѣлъ данныхъ, не имѣлъ права...

Но особенно глумится графъ надъ святѣйшимъ таинствомъ *Евхаристіи*. Кажется, всѣ злыя силы ада соединились, чтобы сказать языкомъ яснополянскаго богохульника возможно болѣе кощунственнаго, оскорбительнаго, гнуснѣйшаго...,—и успѣли въ этомъ: всѣ рекорды побиты безусловно... И здѣсь *въ особенности*,—какъ и въ другихъ случаяхъ,—просто противно и потому не хотѣлось бы передавать гнусности толстовскія,—но